

Чингиз Абдуллаев —

один из самых популярных авторов, пишущих по-русски. Общий тираж его книг превысил 13,5 миллиона экземпляров, многотомные собрания его сочинений выходили и в России, и на Украине, и в Белоруссии. По какому-то недоразумению "Книжное обозрение" регулярно включает его произведения в раздел "Книги отечественных авторов". Между тем Чингиз Абдуллаев — гражданин Азербайджана и в кармане у него дипломатический паспорт.

Добро должно побеждать хотя бы в книгах

Курганка. — 1998. —
Гиния. — с. 32.

— Как вы объясняете свой успех у российских читателей?

— Вал интереса к моим книгам начался года с 1994. Шла чеченская война, и все, что касалось Кавказа, стало вызывать повышенный интерес. Меня же всегда занимал такой вопрос: почему в миллиардном мусульманском мире, в странах с богатейшей литературной традицией — в Иране, Турции, Пакистане — практически нет детективного жанра? Хотя традиция авантюрного жанра представлена очень широко. А было бы очень интересно написать детектив в духе Умберто Эко, но перенести действия в восточную страну... И все же детективов на Востоке не пишут, хотя читают переводную литературу. Видимо, отсутствие детектива связано с иррациональностью мусульманского мышления. В традиционном детективе — взять хотя бы Агату Кристи или Честертона — преобладает логика. Для исламского мышления более характерны эмоции, интуиция. Но почему российским читателям оказался более интересен азербайджанский писатель, я не знаю.

Должно быть, есть нечто глубинное, что нас связывает. В конце концов самый русский фильм, "Белое солнце пустыни", снят по сценарию азербайджанского писателя Рустама Ибрагимбекова.

— Вы пишете только детективы?

— Не только. Я пишу исторические романы, эссе. Конечно, я хотел бы, чтобы больше читали мои исторические романы. Но прекрасно понимаю, что это нереально. И все же когда твои книги читают — это прекрасно. Это доставляет моральное удовлетворение.

— Как бы вы определили свою главную тему?

— Я пишу о распаде, разрыве культурного пространства. И о распаде человеческих связей. Об одиночестве каждого человека, о вечной борьбе добра со злом.

— Ваши книги достаточно своеобразны. Например, в них практически нет секса...

— Да, я не использую сексуальные сцены. И стараюсь в своих книгах обходиться без кровавых и ненужных подробностей. Я сам бывал на войне, был дважды ранен, знаю, что такое боль потери... Я даже не ругаюсь, хотя мои персонажи вроде должны материться... Литература должна оставаться литературой.

Я не претендую на то, что это Достоевский или Чехов. Но нельзя писать после них на русском языке и делать вид, что их не было. Но все же я секретарь Союза писателей Азербайджана. И должен спасать "великую секретарскую литературу"... Если всерьез, я придерживаюсь мнения Фолкнера: литература должна помогать человеку выстоять. Добро должно побеждать хотя бы в книгах.

"И возьми мою боль" я читал в годы чеченской войны. По форме триллер — охота за юной девушкой-чеченкой. Но спасают ее от смерти, часто ценой собственной жизни, обычные русские люди. Плохих народов не бывает. Потери и страдания были и в Чечне, и в России — так же, как и в армяно-азербайджанском конфликте. Убийство любого человека недопустимо.

— Хочется верить, что те, кто читает ваши книги, разделяют эту точку зрения.

— Надеюсь, что мои книги способствуют ее распространению. Скоро в издательстве "ЭКМО" выйдет моя книга "Империя прощенных убийц". Она открывается такими словами: "Моим братьям по Христу и Аллаху, русским и чеченцам, погибшим в несправедной войне, я посвящаю эту книгу". Но пока что очень немногие готовы смотреть на эти конфликты с точки зрения гражданина Вселенной. Мы слишком держимся за свою национальную правоту и ради нее готовы терпеть самые радикальные воззрения. В конечном счете так создается почва для фанатизма и нетерпимости. А когда к власти приходят всякие "ультра", они становятся опасны прежде всего для своих народов.

— Не сталкиваетесь ли вы с проявлениями такой нетерпимости здесь, в России? Вообще, как вы, азербайджанец, ощущаете себя в Москве?

— Я-то нормально. У меня дипломатический паспорт. Как заметил мой знакомый, "у тебя есть право безнаказанно убить человека и быть высланным из страны". Но когда по телевидению показывают раненых в че-

ченской войне, как они говорят: вот выйдем из госпиталя, будем ненавидеть всех кавказцев... Это тенденция, и, похоже, власти ее молчаливо поддерживают. Когда мэрия Москвы принимает решение, что мне — и таким, как я, — необходимо обязательно регистрироваться, это грубейшее нарушение прав человека. Кстати, Конституционный суд России это подтвердил. Я понимаю стремление Лужкова как-то оградить свой город. Но демократия предполагает издержки. Она заканчивается, когда, по Орузлу, "все звери равны, но некоторые более равны, чем другие".

— В Азербайджане такого нет?

— Мы думали, что Баку — самый космополитический город. Что все в нем всегда жили и будут жить мирно. Ведь у нас до революции даже еврейских погромов не было — хотя очень хотели спровоцировать. Поэтому события 1990 года вызвали настоящий шок. После этого у нас очень строго. Не думаю, что у нас может произойти история вроде недавней московской в Лужниках. Если у нас русского убьют только за то, что он русский,

вмешается президент. При этом я вовсе не приукрашиваю положение дел в Азербайджане... ~~до этого не читали мои книги.~~ Но здесь, в Москве, мне не раз рассказывали: человек показывает документы с отметкой о регистрации, милиционер у него на глазах рвет ее и, улыбаясь, говорит: регистрации уже нет...

— Недавние социологические опросы показывают, что отношение к кавказцам в обществе уже не может быть хуже — дальше могут быть только погромы. Пожалуй, можно говорить уже не о национальной розни, но о расовом предубеждении. Человек может сколько угодно рассуждать о том, что не должно быть никакого ущемления по национальному признаку, но спроси его, согласен ли он, чтобы в соседней квартире жили азербайджанцы.

— Это очень опасная тенденция. Прежде всего тем, что может привести к ответным действиям. Я надеюсь, что мои книги хоть немного способствуют разрушению сегрегационных перегородок... Я достаточно резок в своих книгах, но я всегда за то, что нетерпимости не должно быть. Вместе с тем распространение в обществе таких настроений еще не говорит о том, что народ плохой. Не надо недооценивать режим или некоторые влиятельные политические силы. Иногда врага делают искусственно. Мы в Азербайджане уже прошли через это.

— Читают ли ваши детективы в Азербайджане?

— Они написаны по-русски, и не все они существуют на азербайджанском языке. Думаю, в лучшем случае пятая часть. Дело не в цензуре, просто рынок уже. И я сам не успеваю переводить. Но "Три цвета крови" — о покушении на Алиева и Шеварднадзе — вышел. Продаются у нас и книги издательства "ЭКМО", которому с 1996 года принадлежат эксклюзивные права на выпуск моих книг. Но стоят очень дорого — 12 — 14 долларов.

— Ваши книги приносят вам доход?

— Я достаточно обеспеченный человек, и для меня это не главное. Меня радует, что их читают. Но вот пока мы с вами беседуем, уже около тысячи моих книг продано... Вообще, в Азербайджане, кроме, может быть, Рустама Ибрагимбекова, никто на гонорары жить не может. Да и в России вряд ли более десяти человек. Жить, а не пребывать — чтобы и по миру поехать, увидеть все своими глазами. Я сам был во всех местах, о которых пишу, — в Европе, на Ближнем Востоке, в Японии, Китае, Америке. Жил в тех гостиницах, ездил в поездах...

— В ваших книгах сквозит тоска по Советскому Союзу. Вам в самом деле дороги те времена?

— Это тоска не только по Советскому Союзу, а по общей культуре, которая, что ни говори, все же связывала нас воедино. Может быть, по той роли, которую играла книга. Да, нигде в мире книги так не продаются, как в России. Нигде так не читают. Но времена благоденствия для писателей ушли навсегда. В СССР литература заменяла религию. Сегодня мир изменился. Пророков больше не будет. Остались хорошо продаваемые романисты. И немного хороших писателей.

Беседу вел Петр Дейниченко.